

СИНИЕ, зеленые, ядовито-оранжевые и голубые, затяннутые абажурами, замкнутые причудливыми рожками люстры и светильников, гаснут, наконец, огоньки, уводя в темноту окна домов — многоэтажных одноликих и маленьких, спрятавших за заборами свои лица — угрюмые и замкнутые, открытые и приветливые.

Улицы погружаются в ночь, когда актер возвращается домой, к своему огоньку. Он устал, он чувствует себя в этот час опустошенным, разбитым. И счастье от шедших аплодисментов, удовольствие от горячего зрительского приема, удовлетворение от удачной сегодня игры — это все он ощутит, осознает позже, когда отдохнет в тишине, когда успокоятся нервы, уляжется напряжение вечера. Будет ли он заново переживать свой успех (а безразличных к этому актеров, наверное, не бывает), задумается ли над своей новой ролью или просто пробегут в сознании минувшие и предстоящие житейские заботы... Кто знает, о чем думает актер, возвращаясь в полупустом, остывшем к ночи автобусе после работы, такой необычной среди множества людских занятий.

«Актерство — это подвижность в гораздо большей мере, чем многие другие профессии. Надо уметь побеждать в себе «не хочу, не могу, не буду» каждый день, час, решительно во всем, если хочешь остаться до конца актером, а не исполнителем. Может быть, именно эти слова известной артистки Цецилии Мансуровой вспоминает Василий Петрович Забирунов, возвращаясь после спектакля. А может быть, и нет? Чего только не переудамно за пятьдесят лет, какие только волнения не испытаны, какие радости и удачи не пережиты...

Автору удобнее всего было бы сказать: и в мыслях его прошла сейчас вся жизнь... Мы часто встречаем этот прием: в ответственные моменты человек якобы перебирает в памяти всю свою жизнь — бегло или не торопясь. Но как-то не очень верится в это. И, хотя все за-

СЛОВО ОБ АКТЕРЕ

ботливо хранит до случая память, человек из этого хранилища чаще зачерпывает понемногу, и вовсе не по порядку, а так — что придется к случаю, что понадобится, что по-ряче.

У Василия Петровича в таком хранилище собрано настолько много, что ни в минуты, ни в часы даже сознанием всего не охватишь. Семидесятилетний артист, прошедший на сцену под тревожный и грозный гул революции, он уже полвека живет театром, многообразной, такой нервной, такой беспокойной жизнью.

Удобнее, опять-таки, было бы сказать, что театр — его призвание с тех пор, как он себя помнит. Что еще в детстве, попадая в этот храм искусства, полный таинств, обещающий праздник, он трепетал от восторга и клялся себе, что станет артистом. Но этого не было. Деревенское детство его было заполнено совсем другими заботами, и у отца его — главы многодетного семейства — не выходила из головы мысль о том, как бы дать хоть одному из сыновей мало-мальское образование. Воспитанник Псковского мчинстерского училища, солдат Петроградского военного округа попал в театр совершенно случайно. И нечаянное счастье его, что первые шаги на пути к искусству сделаны в революционном Петрограде, в институте имени Толмачева, под руководством таких своеобразных мастеров сцены, как Мейерхольд, Гайдебуров, Радлов.

Хотя дни занятий перемешивались с днями военных действий, когда приходилось брать в руки оружие и идти на Юденича, театр прочно и основательно входил в жизнь двадцатилетнего паренька. В то горячее время, когда жизнь была такой неустойчивой и шаткой, когда новое только ны-

талось себя утвердить в борьбе со старым, когда старое в искусстве зачастую начисто отменялось без учета тех огромных накопленных, жизнь в театре была тревожной и сумбурной. Но начинающему актеру довелось именно тогда услышать Шалыгина в «Русалке» и «Севильском цирюльнике», увидеть гоголевскую «Женитьбу» в театре Гайдебурова и Скарской, «Привидения» Ибсена, в других театрах — бесмертные пьесы Александра Островского, в которых так много пришлось потом играть.

Но это случилось не скоро, ведь тогда молодому актеру начинать можно было только с «кушаты поданой», и лишь лет через десять он мог получить роли второго плана. И если иногда выпадала роль из главных, то уж работать приходилось днем и ночью. В периферийных, да и в театрах крупных, премьеры были далеко не редким явлением. Зачастую на неделе выходило по два новых спектакля. И не случайно в дореволюционном театре идея образования театрального актера подвергалась критике. Говорит же горьковский Актер в пьесе «На дне»: «Образование — чепуха, главное — талант. Я знал артиста... он читал роли по складам, но мог играть героев так, что театр трещал и шатался от восторгов публики».

В первые годы в молодом советском театре было немало таких актеров старой школы и от них можно было перенять умение трудиться до самозабвения, ведь при огромном репертуаре, когда пьес пополняется непрерывно, актеру совершенно необходимы высокая профессиональная техника, огромное трудолюбие, необыкновенная память. Отличная постановка голоса, техника речи, ведение диалога пластами

жест — это было богатством актеров старой школы.

Это богатство, как бесценный груз, как предметы первой и главной необходимости, пронес через всю свою сценическую жизнь Василий Петрович Забирунов. И как многому сегодня могут поучиться у него молодые коллеги. Готовность всегда работать очень добросовестно и много, основанная на огромном уважении к зрителю, к своим партнерам, уважении к своему труду в театре, всегда много учиться, брать у жизни, чтобы потом отдать сполна — это черты истинной актерской интеллигентности. Они в полной мере присущи заслуженному артисту Казахской ССР Василию Петровичу Забирунову.

Этот человек всегда приходит в театр по-особому собранный, как мянист после хорошего тренажа, он никогда не выходит на сцену «пустой», потому что ему всегда есть что сказать людям. Он остро чувствует реакцию, прием зрительного зала, отлично видит, чувствует настроение тех, кто пришел сегодня на спектакль, и он почти физически всегда ощущает, как невозможно ему обмануть доверие этих людей. Контакт с залом, наверное, и дает тот необходимый творческий заряд, тот необыкновенный настрой, без которого нет творчества, без которого театр мертва.

Если только перечислить пьесы и роли в них, сыгранные Забируновым, этот список не потребовал бы комментариев. Вряд ли есть имеющая сценическую историю классическая пьеса, которая бы прошла мимо его жизни. Названия спектаклей по пьесам виднейших драматургов, западных и русских, масса пьес советских, ролей глубоких, трудных, а подчас легковесных, не очень запоминающихся, пробегают в

его памяти, как большие и маленькие станции за окном идущего по прямой поезда. Какое-то из них оставляют глубокий след навсегда, какие-то просто помнятся, что-то стирается в памяти.

Часто ли мы задумываемся над тем, какой же богатой и щедрой должна быть душа артиста, какие запасы возможностей должна хранить его натура, чтобы отдавать так много. Но может ли один человек испытать в жизни столько всего, чтобы постигнуть, зная в совершенстве огромный человеческий мир ощущений, страстей, самых различных житейских ситуаций? Талантливый актер и режиссер Михаил Чехов в свое время говорил: «...воображение, как пчела, собирает мед со всего восприятия, слышанного, читаемого, виденного и проявляет себя в творческом акте».

И «творческий акт» актера, юбилей которого — 70 и 50 — отмечают в эти дни его друзья по искусству и жизни, его поклонники — зрители, вся общественность, исключительно интересен. Каково его амплуа? Комик или трагик, лирик или простак? Посмотрев все его работы, хотя бы семипалатинского периода за последние пять лет, на этот вопрос ответить невозможно. Профессор Окамов в «Машеньке», граф Лудовико в «Собаке на сене», синьор Грассини в «Оводе», Мэндр в «Дне свадьбы», Скопец в «Ленинградском проспекте»... А две такие полярные по своим категориям роли, как горьковский Старик и шолоховский Шукарь! Сколько прекрасных образов создал он для детей в сказках, жанре исключительно, особенном! Его участие в спектаклях «Баранишница», «Волоколамское шоссе», «Традиционный сбор», «Шестое июля» очень наглядно иллюстрирует хрестоматийную

мысль о том, что нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. Появляясь на сцене иногда в образах эпизодических, он становится настолько значительным персонажем, что запоминается подчас ярче, чем исполнитель главной роли.

Василий Петрович на вопрос о любимых ролях говорит, что они все одинаково дороги ему. Этому веришь, потому что каждая из них — частица его сердца, бессонные ночи, переживания, волнения до самого того дня, пока предстанешь перед судом зала. А разве мало сомнений вызывает роль, уже совсем, казалось бы, готовая?

Да, одинаково дороги... Но хочется особенно выделить именно такие, как Шукарь, как Старик, где Забирунов поднимается до серьезных и глубоких обобщений, мыслит настолько круто, что мы забываем образы яркие, со своей интересной философией. Это роли большого, широкого диапазона, сделанные настоящим мастером сцены.

Так каково же его амплуа? На этот вопрос затрудняется ответить даже режиссер театра. Подумав, он говорит:

— Забирунов? Он, просто очень хороший актер.

А товарищи по театру добавляют:

— Изумительный человек, щедрый и бескорыстный, кристально честный.

Наверное, главное, что удивляет в этом немолодом, но полном трудолюбия и творческого горения человеке, — его какая-то необыкновенная чистота, которую он пронес через всю жизнь, пройдя по сценам многочисленных театров с их особой, не всегда легкой и ясной обстановкой...

Юбилар, на праздник к которому пришел в минувший воскресный вечер почитатели его таланта, — в высшей степени достоин тех искренних слов благодарности, признательности, которые были сказаны в его адрес. Ведь всю свою жизнь, талант, все богатство души своей он щедро дарит людям. Что может быть лучше этого?

Э. КОГАН.